

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 938.06

АРИСТОТЕЛЬ И ИСТОРИЯ СПАРТЫ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ

А.Ю. Еремин

Самарский государственный университет
E-mail: eremin@mail.com

В статье рассматриваются формы отражения и приемы хронологического соотнесения в «Политике» Аристотеля некоторых исторических фактов и процессов, связанных с историей Спарты. Детальный анализ отдельных отрывков «Политики» показывает, что Аристотель очень неплохо ориентировался в спартанской истории, знание которой позволило ему сформулировать свою собственную, логически выверенную концепцию исторического развития Спарты начиная с раннего периода и вплоть до своих дней.

Ключевые слова: Аристотель, «Политика», история Спарты, хронология.

Aristotle and History of Sparta: Some Problems of Chronology

A.Yu. Eremin

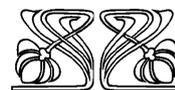
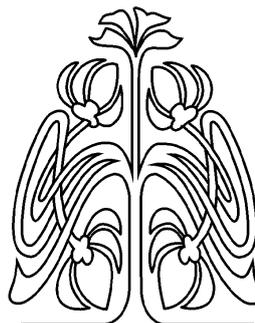
The article deals with the Aristotle's forms of presentation and chronological correlation techniques of some historical facts and processes related to Spartan history in his «Politics». Thorough analyzing of certain passages of the «Politics» does demonstrates that Aristotle was quite knowledgeable of Spartan history and this competence enabled him to work out the original and logically elaborated conception of the Spartan historical evolution beginning from the early times up to his own days.

Key words: Aristotle, «Politics», Spartan History, Chronology.

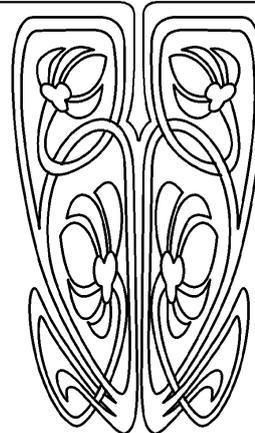
Как известно, в «Политике» Аристотеля большое место занимает прямая или скрытая полемика с Платоном и его видением «наилучшей конституции», основы которой были разработаны его учителем в «Государстве» и уточнены в «Законах»¹. Эта полемика носит исключительно теоретический характер, поскольку ни в коем случае нельзя забывать о том, что основным предметом критики Аристотеля является, прежде всего, «идеальная полития» Платона, которая для последнего являлась наибольшей объективностью и мерилем всех существующих политий, а проще «эйдосом» или «идеей» политии как таковой². Соответственно и все реально существующие «конституции» рассматриваются Платоном исключительно как в той или иной мере приближающиеся или отклоняющиеся от «идеи».

Судя по всему, спартанская и критская «тимократии» рассматривались самим Платоном как в наибольшей степени приближавшиеся к той «идее политии», которую он себе рисовал³. Аристотель всегда вынужден был проводить свой анализ в двух измерениях или в двух планах: вырабатывая, с одной стороны, свой собственный «идеал» (или, правильнее сказать, «идею»), который, в общем-то, не особо отличался от платоновского по своей сути, с другой же стороны, показывая сколь далеко существующие конституции отстоят не только от его собственного, но даже и платоновского «идеала»⁴.

Этот подход очень хорошо заметен в многократно обсуждаемом отрывке второй книги «Политики», где Аристотель дает обзор спартанской конституции, которая, наряду с критской и карфагенской, считалась к его времени наилучшей во всех отношениях⁵. Логика Аристотеля здесь, учитывая вышесказанное, вполне прозрачна и понятна: если удастся показать, что ни одна из этих конституций не выдержала испытания историей, то все те принципы, которые были заложены в них

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

изначально, не являются «идеальными», а потому соответственно и сама «конституция» не может считаться наилучшей или «идеальной». Именно поэтому Аристотель обращается к историческому материалу, рассматривая каждую из этих трех конституций под двумя углами зрения: во-первых, с точки зрения заложенных в саму конституцию основных принципов и, во-вторых, в сравнении с «идеей», т.е. идеальной конституцией.

Примечательно, однако, что описание «идеальной политики» дается Аристотелем не до анализа существующих конституций во второй книге, как того можно было бы ожидать, а много позже, в седьмой и восьмой книгах⁶. Так что ему не остается ничего более, кроме как проводить сравнение между современным состоянием дел и теми целеполагающими принципами, которые были заложены в данные конституции, в том числе и в спартанскую, изначально или же в ходе времени.

Соответственно картина спартанской конституции у Аристотеля, которая и является здесь предметом рассмотрения, оказывается весьма многослойной с точки зрения исторического развития Спарты. Хотя Аристотель явно ставит своей основной целью показать то положение дел, каким оно существовало к его времени, он, тем не менее, видит его как следствие предшествующей эволюции. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что он либо привязывает тот или иной результат к вполне определенным историческим фактам прошлого, либо же весьма тонко использует разные временные формы глаголов. Чтобы продемонстрировать это, обратимся сначала к более детальному анализу фрагмента второй книги «Политики», который касается собственно Спарты (1269 а 29–1271 в 19).

Прежде всего попытаемся выделить те пласты исторического развития Спарты, которые не могут не бросаться в глаза при внимательном прочтении этого отрывка. Во-первых, это, разумеется, Спарта эпохи самого Аристотеля, т.е. примерно второй половины IV в. до н. э., и это явно эпоха упадка. Именно на эту Спарту и направлена в первую очередь и по преимуществу та уничтожающая критика, которой Стагирит подвергает практически все ее известные институты, такие как, среди прочих, царская власть, герусия и эфорат⁷.

На противоположном хронологическом конце находится Спарта времени Ликурга, в связи с которой Аристотель в первый и последний раз во всем этом отрывке упоминает по имени самого легендарного законодателя и его неудачную попытку подчинить своим законам спартанских женщин (1269 в 13 – 1270 а 10). Речь здесь определенно идет о Спарте весьма отдаленного прошлого, а если быть более точными, то о Спарте VIII в. до н. э., поскольку, как известно, Аристотель (Fr. 533 Rose = Plut. Lys. 1) считал Ликурга одним из основателей Олимпийских игр (традиционная дата – 776 г. до н. э.)⁸.

Однако между этими двумя крайними хронологическими точками находится, судя по всему, VI в. до н. э., а точнее – его середина, причем именно эта эпоха представляется Аристотелю, как кажется, временем наивысшего расцвета так называемой «ликурговой» Спарты. Войны с соседями – аргиевцами, а затем (*παλιῶν*) аркадянами и мессенцами – закончились для Спарты в ее пользу и наступили спокойные времена (*συχόλασαντες*) (1270 а 1–4). Речь здесь определенно идет о двух войнах именно середины VI в. до н. э. В случае аркадян и мессенцев явно имеется в виду последняя война Спарты с Тегеей около середины VI в. до н. э., завершившаяся установкой стелы с надписью, содержащей условия мирного договора, о которой было известно самому Аристотелю (Fr. 592 Rose = Plut. Mor. 292B). В этом договоре упоминались, что примечательно, и мессенцы⁹, из чего следует, что они определенно принимали в ней какое-то участие, а потому Аристотель и говорит о войне аркадян, т.е. тегейцев, в союзе с мессенцами (... *καὶ παλιῶν τὸν πρὸς Ἀρκάδας καὶ Μεσσηνίους [πόλεμον]*) (1270 а 3). Что касается аргиевцев, то речь идет, по всей видимости, о последней стадии долгого соперничества между Аргосом и Спартой по поводу обладания пограничной прибрежной областью Кинурией (включая Фиреатиду), соперничества, которое завершилось полной победой Спарты в так называемой «битве лучших воинов» (546 г. до н. э.)¹⁰. Таким образом, учитывая современные знания по истории Спарты того периода, это означает, что к середине VI в. до н. э. она не только окончательно подчиняет Мессению, но и добивается практически полного невмешательства в свои дела со стороны соседних городов.

Далее логика Аристотеля вновь обращается к проблеме положения женщин в Спарте (1270 а 6 sqq). И это неудивительно, так как одной из его основных целей здесь было показать, что причиной того упадка Спарты, кульминацией которого стало сокрушительное поражение спартанцев при Левктрах (371 г. до н. э.) и последовавшая за тем утрата Мессении (370 г. до н. э.), стала олигантропия – недостаток людских ресурсов, связанный прежде всего с падением числа полноправных граждан¹¹. Совершенно очевидно, что в этом отношении Аристотель практически полностью отходит от того морализаторского типа объяснения этого упадка, который до него предлагали Ксенофонт, Исократ, Эфор и его собственный учитель Платон¹².

Более того, он идет дальше и задается вопросом о том, что же явилось причиной самой олигантропии как явления и где следует искать ее истоки с точки зрения хронологии. Именно поэтому он и обращает здесь внимание на то исключительное обстоятельство, что в его время женщины владели двумя пятими земли в Лаконии (1270 а 23–24). Судя по всему, он явно осознавал, что такое положение дел было следствием некоей эволюции, обусловленной, в свою очередь, раз-

витием той земельной системы, которую условно можно назвать «ликурговой», т.е. относящейся к эпохе задолго до его собственной.

Что так оно и есть, показывает, как кажется, использование Аристотелем глаголов в разных временных формах. Так, отметив как общеизвестный факт неравномерность распределения собственности в Спарте (1270 a 15–16), он далее замечает: *τοῖς μὲν γὰρ αὐτῶν συμβέβηκε κекτῆσθαι πολλὴν λίαν οὐσίαν, τοῖς δὲ πάντων μικράν* «ибо, случилось так, что одни из них владеют чрезмерной собственностью, тогда как другие – совсем небольшой» (1270 a 16–18). Показательным представляется здесь употребление двух глаголов в перфекте (*συμβέβηκε* и *κεκτῆσθαι*), которые, таким образом, отражают существующий в настоящем результат и состоящие предыдущего действия¹³, а в нашем случае – процесса имущественной дифференциации. И далее сразу же следует поясняющая фраза: ... *διόπερ εἰς ὀλίγους ἦκεν ἡ χώρα*, где употребление имперфекта *ἦκεν* (3 лицо ед. ч. от *ἦκω*), имеющего значение плюсквамперфекта¹⁴, вновь указывает на состояние, явившееся следствием действия или процесса, но уже в прошлом¹⁵: «... потому что <еще раньше> земля перешла <и находилась> в руках немногих».

Приблизительно то же самое можно отметить и в отношении того отрывка, где Аристотель резко критикует ту систему формирования общественной казны, которая имела место в Спарте (1271 b 10–15): *φάυλως δ' ἔχει καὶ περὶ τὰ κοινὰ χρήματα τοῖς Σπαρτιάταις. οὐτε γὰρ ἐν τῷ κοινῷ τῆς πόλεως ἔστιν οὐδὲν πολέμους μεγάλους ἀναγκαζομένοις πολεμεῖν, εἰσφέρουσί τε κακῶς· διὰ γὰρ τὸ τῶν Σπαρτιατῶν εἶναι τὴν πλείστην γῆν οὐκ ἐξετάζουσιν ἀλλήλων τὰς εἰσφοράς* «плохо обстоит дело у спартиатов и с общественными финансами: ведь у них, вынужденных вести крупные войны, не только нет средств в городской казне, но и взносы <туда> они вносят плохо, ибо, по причине того, что преобладающая часть земли принадлежит спартиатам, не осуществляют взаимного надзора за взносами». Здесь явно идет речь о том состоянии дел, которое существовало во времена самого Аристотеля, на что указывает, естественно, и употребление глаголов в настоящем времени. Однако далее он замечает (1271 b 15–17): *ἀποβέβηκε τε τοῦναντίον τῷ νομοθέτῃ τοῦ συμφέροντος· τὴν μὲν γὰρ πόλιν πεποίηκεν ἀχρήματον, τοὺς δ' ἰδιώτας φιλοχρημάτους* «и получился результат, противоположный тому, что является целесообразным для законодателя: ибо город он сделал нуждающимся в денежных средствах, частных же лиц – корыстолюбивыми». И вновь два глагола в перфекте – *ἀποβέβηκε* и *πεποίηκεν* – указывают на то, что таков был результат предшествующего развития. К сожалению, Аристотель не дает здесь ни одной хронологической привязки, которая могла бы помочь нам

определить точное время начала этого процесса. Однако, учитывая сказанное выше, следует, видимо, полагать, что описываемые Аристотелем проблемы с общественными финансами и внесением налогов возникли не ранее середины VI в. до н. э. как минимум, т.е. того времени, которое он считал расцветом «ликурговой Спарты».

Не менее любопытным представляется также и то обстоятельство, что Аристотель, как уже давно было замечено¹⁶, крайне по-разному определял собственно характер спартанской конституции. Действительно, он дает ей дефиниции практически всех известных в античности форм правления. Так, например, в одном отрывке он вроде бы склоняется к тому, чтобы видеть в Спарте демократию, хотя и с примесью *ἀρετῆ* (1293 b 14–18). В другом же отрывке (1270 b 13–17), где речь идет о том, что ввиду той огромной власти, которой обладают эфоры, институт которых он определял как демократический, даже цари были вынуждены искать их расположения (... *διὰ τὸ τὴν ἀρχὴν εἶναι λίαν μεγάλην καὶ ἰσοτύραννον δημαγωγεῖν αὐτοὺς ἠναγκάζοντο καὶ οἱ βασιλεῖς*), он прямо говорит о превращении спартанской конституции из аристократии в демократию (*δημοκρατία γὰρ ἐξ ἀριστοκρατίας*). Используемые в этом пассаже глаголы в имперфекте указывают на то, что речь здесь идет определенно не о времени самого Аристотеля. Более того, имперфект *συνέβαινε* должен подразумевать то, что это изменение политического строя представляло собою постепенную эволюцию, начало которой было положено учреждением самого института эфоров, каковое сам Аристотель (1313 a 26–28; *Plut., Cleom. 10*) приписывал царю Феопомпу (вторая половина VIII в. до н. э.)¹⁷. Однако качественное изменение произошло, видимо, много позднее, когда власть эфоров стала «чрезмерно велика и подобна тиранической» (*λίαν μεγάλην καὶ ἰσοτύραννον*), что опять же можно отнести, как кажется, к середине VI в. до н. э., связав с реформой эфората, приписываемой античной традицией Хилону – одному из семи мудрецов и тогдашнему спартанскому эфору¹⁸.

Как бы то ни было, но в другом отрывке (1306 b 22 – 1307 a 4) он определяет конституцию Спарты вроде бы как аристократию, но при этом, что очень важно, отмечает сходства аристократии как таковой с олигархией (... *διὰ τὸ καὶ τὴν ἀριστοκρατίαν ὀλιγαρχίαν εἶναι πως (ἐν ἀμφοτέραις γὰρ ὀλίγοι οἱ ἀρχοντες...*). Говоря о причинах возникновения в них раздоров (*αἰ στάσεις*), Аристотель иллюстрирует свои выводы конкретными примерами из истории Спарты. Два из них относятся к ранней истории Спарты: это – неудачный заговор так называемых парфениев, основавших позднее Тарент (традиционная дата 706 г. до н. э.), и вторая Мессенская война, описываемая у Тиртея (конец VII в. до н. э.). Два других примера, приводимых здесь Аристотелем, принадлежат к первым годам правления царя Агесилая II

(399–360 гг. до н. э.): это – деятельность Лисандра и его притязания на власть и заговор Кинадона. Учитывая то обстоятельство, что между этими двумя эпохами лежит промежуток в триста лет, а также принимая во внимание то сходство между аристократией и олигархией, на которое, хотя и для своих исследовательских целей, особо указывает здесь Аристотель, создается впечатление, что он считал Спарту конца VII в. до н. э. аристократией, а начала IV в. до н. э. – уже олигархией.

Однако еще более примечательным представляется то, что в еще одном отрывке (1313 а 18–33), в котором речь идет о причинах сохранения в некоторых полисах древней царской власти, Аристотель практически относит Спарту в число монархий греческого типа (*βασιλεία*). Более того, здесь он достаточно четко фиксирует момент перехода политического устройства Спарты от монархии к, надо полагать, аристократии, датируя это изменение временем правления царя Полидора (конец VIII в. или начало VII в. до н. э.)¹⁹.

Принимая во внимание все вышесказанное, следующие общие выводы представляются, как кажется, неизбежными и напрашивающимися сами собою. Во-первых, Аристотель определенно был хорошо знаком с основными фактами истории Спарты начиная с раннего периода и вплоть до своих дней. Это обстоятельство, в свою очередь, не может не указывать на его знакомство со всей предшествующей традицией и, хотя Аристотель крайне редко указывает на свои источники, они так или иначе угадываются в его свидетельствах, касающихся Спарты. Более того, все эти факты, хотя и разбросанные частично по тексту «Политики», часто, если не всегда, им хронологически выверены и соотнесены с определенными периодами истории Спарты. Этот исторический подход и позволил, думается, создать Аристотелю свою собственную концепцию развития спартанской конституции, основанную на идее смены политических форм. И хотя эта концепция может показаться недостаточно аргументированной, неточной или даже упрощенной, ей, тем не менее, невозможно отказать в определенной логике, которая требует как минимум большего понимания.

Примечания

- ¹ Относительно эволюции взглядов Платона на «идеальную конституцию» в связи, в том числе и с его собственным политическим опытом, см., например, *Ferguson J.* *Utopias of the Classical World.* Ithaca (N.Y.): Cornell University Press, 1975. P. 62–79; *Dawson D.* *Cities of the Gods: Communist Utopias in Greek Thought.* N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1992. P. 53–91.
- ² Ср., в особенности, *Dawson D.* *Op. cit.* P. 70ff. Относительно платоновского учения об «идеях» в философско-теоретическом плане см., например: *Лосев А.Ф.* *История античной эстетики: В 8 т. М., 1969. Т. 2. С. 169–193,* где вместе с тем суммируются и основные концепции,

связанные с интерпретацией платоновского понятия «эйдос/идея».

- ³ См., например: *Morrow G.R.* *Plato's Cretan City: A Historical Interpretation of the Laws.* Princeton: Princeton University Press, 1960, где, пожалуй, наиболее детально рассматривается платоновский идеальный полис, хотя автор полагает, что, скорее, критская, а не спартанская конституция являлась для Платона ближайшим из существующих прототипов. Ср., однако, *Ollier F.* *Le Mirage spartiate. Étude sur l'idéalisation de Sparte dans l'antiquité grecque de l'origine jusqu'aux cyniques.* Paris: De Boccard, 1933. Т. I. P. 233 sqq.; *Luccioni J.* *La pensée politique de Platon.* Paris: Presses Universitaires de France, 1958. P. 101.
- ⁴ Более подробно относительно целей и задач, которые ставил перед собой Аристотель в «Политике», см., например, *Доватур А.И.* *Политика и Политии Аристотеля. М.; Л.: Наука, 1965. С. 39–41;* *Rowe C.J.* *Aims and Methods in Aristotles Politics // Classical Quarterly.* 1977. Vol. 27. P. 159–172; *Dawson D.* *Op. cit.* P. 93–95.
- ⁵ *Sihler E.G.* *Aristotles Criticisms of the Spartan Government // Classical Review,* 1893. Vol. 7. P. 439–443; *Ollier F.* *Le Mirage spartiate. Étude sur l'idéalisation de Sparte dans l'antiquité grecque de l'origine jusqu'aux cyniques.* P.: De Boccard, 1933. Т. I. P. 294–326; *Cloche P.* *Aristote et les institutions de Sparté // Les Études Classiques.* 1942. Vol. XI. P. 289–313; *Braun E.* *Die Kritik der Lakedaimonischen Verfassung in den Politika des Aristoteles.* Klagenfurt: Landesmuseum für Kärnten, 1956; *Weil R.* *Aristote et l'histoire. Essai sur la 'Politique'.* P.: Klincksieck, 1960. P. 231–244; *De Laix R.A.* *Aristotle's Conception of the Spartan Constitution // J. of the History of Philosophy.* 1974. Vol. 12. P. 21–30; *Vilatte S.* *Espace et temps: La cité aristotélicienne de la Politique.* P.: Les Belles Lettres, 1995. P. 319–341; *Hermann-Otto E.* *Verfassung und Gesellschaft Spartas in der Kritik des Aristoteles // Historia.* 1998. Bd. 47. S. 18–40; *Lévy E.* *Le Régime lacédémonien dans la «Politique» d'Aristote: une réflexion sur le pouvoir et l'ordre social chez les Grecs // Images et représentations du pouvoir et de l'ordre social dans l'Antiquité.* P.: De Boccard, 2001. P. 57–72. Большая часть этих работ являются дескриптивными по характеру, рассматривая взгляды Аристотеля на Спарту в плоскостном выражении. Особняком стоит статья Э. Давида (*David E.* *Aristotle and Sparta // Ancient Society.* 1982. Vol. 13–14. P. 67–103), автор которой совершенно верно, на наш взгляд, призывает учитывать «временной фактор», поскольку конкретные свидетельства Аристотеля часто относятся к разным периодам спартанской истории, так что в этом отношении данная работа является прямым развитием и уточнением данного подхода.
- ⁶ Ср., например, *E. Schütrumpf* (*Die Analyse der Polis durch Aristoteles.* Amsterdam: B.R. Grüner, 1980), который начинает свой анализ именно с этих книг. Относительно проблем, связанных с композиционным построением «Политики», см., например, *Stocks J.L.* *The Composition of Aristotle's Politics // Classical Quarterly.* 1927. Vol. 21. P. 177–187; *Barker E.* *The Life of Aristotle and the Composition and Structure of the Politics // Classical Review.* 1931. Vol. 45. P. 162–172.

- ⁷ См. подробнее, в особенности, *David E. Aristotle and Sparta*. P. 79–92, где критика Аристотелем современной ему Спарты совершенно обоснованно рассматривается отдельно от тех его общих критических замечаний, которые носят, скорее, теоретический характер. Ср. также работы, приведенные в примеч. 5.
- ⁸ См. подробнее, например, *Keßler E. Plutarchs Leben des Lykurgos*. Berlin: Weidmann, 1910. S. 6 sq. с кратким очерком традиции.
- ⁹ По условиям договора они должны были быть изгнаны с территории, надо полагать, Тегей (*Μεσσηνίους ἐκβαλεῖν ἐκ τῆς χώρας*), а также *μη ἐξιναί χρηστούς ποιεῖν*, фраза, перевод и значение которой до сих пор являются предметом дискуссий: см., например, *Jacoby F. ΧΡΗΣΤΟΥΣ ΠΟΙΕΙΝ* (Aristotle fr. 592 R[ose]) // *Classical Quarterly*. 1944. Vol. 38. P. 15–16, однако, ср., *Braun Th. ΧΡΗΣΤΟΥΣ ΠΟΙΕΙΝ* // *Classical Quarterly*. Vol. 44. 1994. P. 40–45, а также *Печатнова Л.Г. История Спарты: период архаики и касики*. СПб., 2001. С. 126–129.
- ¹⁰ Подробнее относительно соперничества Аргоса и Спарты за Кинурию, а также относительно локализации этого сражения, см., например, *Φάκλαρης Π. Αρχαία Κυνουρία: Ανθρώπινη δραστηριότητα και περιβάλλον. Θεσσαλονίκη, Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης*, 1985. Σελ. 33–36.
- ¹¹ Более подробно о причинах, темпах и последствиях олигантропии см., например, *Cartledge P. Sparta and Laconia: A Regional History 1300 to 362 BC*. L.: Routledge, 2002 (1979). P. 263–272.
- ¹² См., в особенности, *David E. Sparta between Empire and Revolution*. N.Y.: Arno Press, 1981. P. 50–65, где можно найти компактный и связный очерк развития античной традиции этого периода вместе с наиболее, как кажется, взвешенной исторической оценкой.
- ¹³ Более подробно о значении греческого перфекта см.,
- например, *Kühner R., Gerth B. Ausführliche Grammatik der Griechischen Sprache. Teil 2 Satzlehre, Bd. I*. Hannover, Leipzig: Hahn, 1898. S. 146–147, § 384.1; *Schwyzler E., Debrunner A. Griechische Grammatik, Bd. 2 Syntax und syntaktische Stilistik*. München: Beck, 1950. S. 286–287; *Cooper G.L. Attic Greek Prose Syntax. Vol. 1*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1998. P. 627–629, § 53.3.0 и 53.3.2.
- ¹⁴ См., например, *Liddell-Scott-Jones, A Greek-English Lexicon*. Oxford: Oxford University Press, 1996. s. v. ἦκω I; *Smyth H.W. Greek Grammar*. Harvard: Harvard University Press, 1984. P. 426, § 1906.
- ¹⁵ Более подробно о значении греческого плюсквамперфекта см., например, *Kühner R., Gerth B. Op. cit.* S. 151, § 385.1; *Schwyzler E., Debrunner A. Op. cit.* S. 288–289; *Cooper G.L. Attic Greek Prose Syntax. Vol. 1*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1998. P. 632, § 53.4.0.
- ¹⁶ См., например, *Weil R. Aristote et l'histoire. Essai sur la «Politique»*. P.: Klincksieck, 1960. P. 231–244; *De Laix R.A. Op. cit.* P. 21–30. Ср. также: *Cloche P. Aristote et les institutions de Sparte // Les Études Classiques*. Vol. XI. 1942. P. 289 sqq.
- ¹⁷ Ср., в особенности, *Доватур А.И. Указ. соч.* С. 242–243.
- ¹⁸ Подробнее см., *Stibbe C. Chilon of Sparta // Mededelingen van het Nederlands Historisch Instituut te Rome*. 1985. Deel 46. P. 13–14; *Печатнова Л.Г. Указ. соч.* С. 64–67. Ср., также, *Richer N. Les éphores. Études sur l'histoire et sur l'image de Sparte (VIII–IIIe siècles avant Jésus-Christ)*. P.: Publications de la Sorbonne, 1998. P. 121–128.
- ¹⁹ См., например, *Poralla P., Bradford A.S. Prosopographie der Lakedaimonier bis auf die Zeit Alexanders des Großen*. Chicago: Aris Publishers, 1985 (1913). S. 108–109, № 628 и 142 (последняя треть VIII в. до н. э.). Ср., однако, *Cartledge P. Op. cit.* P. 15–17 (первая четверть VII в. до н. э.).

УДК 94(48),01/021

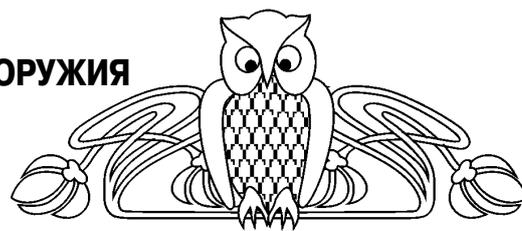
ВОЛЧИ, ВОРОНЫ И ЗМЕИНЫЕ МОТИВЫ В ДРЕВНЕСКАНДИНАВСКОЙ СИМВОЛИКЕ ОРУЖИЯ

И.Ю. Философов

Саратовский государственный университет
E-mail: ifilosofov@gmail.com

В данной статье автор предпринимает попытку интерпретации трех наиболее значимых звериных образов эпохи викингов – волка, ворона и змея – в их мифологическом, ритуальном, социальном смысле. Основной задачей является демонстрация и анализ неразрывной связи звериной символики с характерным для древнесеверной мифологической и поэтической традиций культом оружия в различных его аспектах. Оружие предстает как необходимый элемент воинских инициаций молодежи, связанных с принятием «волчьей судьбы» через его обречение, как инструмент жертвоприношений, наконец, как иное воплощение символизируемого им зверя. В конце статьи делаются необходимые выводы.

Ключевые слова: эпоха викингов, скандинавская мифология, звериные символы, волк, ворон, змей, дракон, культ оружия, однизм, скальдическая поэзия, воинские инициации.

Wolf, Raven and Serpent Images in the Old Norse Weapon Symbolism

I.Yu. Filosofov

In the current article the author makes an attempt of interpretation of three most significant animal symbols of Viking Age – the Wolf, the Raven and the Serpent – in their mythological, ritual and social sense. The author's aim was to demonstrate and analyze the indissoluble connection between bestial symbolics and the cult of weapons, the inherent part of the Old Norse mythologic and poetic traditions, in the different aspects. The weapon appears as an essential element of youth warrior initiations, associated with acceptance of "Wolf Destiny" through the act of weapon-finding, as well as an instrument of sacrifices and, finally, as another em-